

Александр Восьмой

**Крепость из дней
Фаргуса**

СКАЗКИ ФАРГУСА 3

Александр Восьмой

Крепость из дней Фаргуса

«Автор»

2026

Восьмой А.

Крепость из дней Фаргуса / А. Восьмой — «Автор»,
2026 — (СКАЗКИ ФАРГУСА 3)

«Крепость из дней» — эпичная сказка в аниме стилистике, где сила — не в магии, а в упорстве. Фаргус даёт себе невысказанное обещание: 50 лет, 18 300 кирпичей, по одному в день — и крепость станет реальностью. Каждый кирпич здесь не просто камень: это прожитый день, принятое решение, шаг сквозь насмешки, страх и испытания. На пути героя — встреча с призраком старого мастера, битва с разбойниками, искушение мгновенной славы и тяжёлый выбор между лёгкой победой и памятью о каждом мгновении пути. А когда последний кирпич встанет на место, крепость перестанет быть просто стеной — она станет домом для всех потерявших дорогу. Атмосферная история о том, как великое рождается из малого, а настоящая сила рождается не в ударе меча, а в тихом «я вернусь» — день за днём, кирпич за кирпичом.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Крепость из дней Фаргуса

Глава 1. «Первый кирпич и голос ветра»

Алый закат рвал небо на полосы, будто кто-то провёл по нему лезвием. Холм стоял посреди пустоты — одинокий, голый, будто забытый богами. Трава на нём ложилась волнами, как море, и каждый её изгиб шептал: «Здесь ничего не будет. Уходи».

Но Фаргус не уходил.

В его руках был первый кирпич. Тяжёлый. Шершавый. С острыми краями, которые впились в ладони, напоминая: это не игрушка. Это обещание.

Он присел на корточки, выровнял дыхание, как учил старый кузнец, и аккуратно опустил кирпич на землю. Точно в центр холма. В самую сердцевину пустоты.

И в тот самый миг ветер перестал быть просто ветром.

Он взвыл — не как обычный порыв, а как крик. Пронзительный, звенящий, будто в нём смешались голоса тысячи забытых строителей. Слова полились потоком — на языке, которого Фаргус никогда не слышал: древние, тяжёлые, похожие на удары молота по наковальне.

«Я слышу тебя», — прошептал Фаргус, хотя не понимал ни слова. Просто чувствовал: эти звуки были обращены к нему.

Тени вокруг холма сгустились. Они не были чёрными — скорее, тёмно-синими, с фиолетовыми прожилками, будто вырезаны из сумерек. Они не нападали. Не шевелились резко. Но смотрели. Внимательно. Оценивающе. Как зрители перед началом великого боя.

Фаргус сжал кулаки. Его пальцы побелели от напряжения.

— Это будет крепость, — сказал он громко, перекрывая вой ветра. — Не просто стена. Не просто камни. А место, где никто не останется один.

Ветер ударил в ответ — хлестко, яростно, пытаясь сбить с ног. Но Фаргус устоял.

И тогда случилось нечто странное.

Кирпич, который он только что положил, вспыхнул. Не огнём — светом. Золотистым, пульсирующим, будто внутри него билось крошечное сердце. Свет растёкся по земле тонкими линиями, похожими на вены, и на секунду холм стал похож на живое существо, пробуждающееся от долгого сна.

Тени отступили на шаг. Не потому, что испугались — а потому, что признали: здесь началось что-то настоящее.

Внезапно из-за горизонта вырвалась тёмная полоса — словно трещина в небе. Из неё хлынули не капли дождя, а чёрные перья. Сотни. Тысячи. Они падали, кружась, и, касаясь земли, рассыпались в пыль, которая тут же впитывалась в траву.

Фаргус не дрогнул. Он шагнул вперёд, закрывая собой кирпич, будто тот был ребёнком, а не куском обожжённой глины.

— Не троньте! — крикнул он, и его голос прозвучал неожиданно громко, почти как раскат грома.

Перья замерли в воздухе. На долю секунды весь мир застыл. А потом ветер снова взвыл, но уже не с яростью — с уважением.

Свет внутри кирпича стал ярче. Линии на земле засветились, образуя сложный узор — круг, пересечённый диагоналями, похожий на магическую печать. И в центре этого узора кирпич перестал быть просто кирпичом. Он стал ядром. Сердцем. Первым камнем крепости, которой ещё не существовало, но которая уже жила.

Когда последние перья растворились в сумерках, тени снова приблизились — но теперь они не смотрели враждебно. Они ждали. Ждали второго кирпича. Третьего. Сотого. Тысячного.

Фаргус выпрямился. Его грудь вздымалась от тяжёлого дыхания, но глаза горели.

— Я буду приходить каждый день, — пообещал он ветру, теням, холму и самому себе. — Каждый день. Один кирпич. Пятьдесят лет. И когда последний ляжет на место, эта крепость станет домом для всех, кому некуда идти.

Закат догорал, окрашивая небо в цвета запекшейся крови и расплавленного золота. А на пустом холме, в самом центре мира, лежал один-единственный кирпич — маленький, но тяжёлый, как судьба.

И он уже ждал следующего дня.

Глава 2. «День второй: дождь и странный гость»

Ливень хлестал по холму так, будто небо решило смыть с земли все следы человеческих мечтаний. Вода превращала землю в скользкую, предательскую жижу, которая норовила утянуть сапоги Фаргуса вниз, в холодную глубину. Капли били по плечам, по лицу, стекали за воротник ледяной дорожкой, но он не отступал.

Перед ним лежал вчерашний кирпич — тот самый, первый. И вопреки всему он стоял. Не шатался. Не утонул в грязи. Он будто врос в холм, слился с ним, став частью самой земли. Его золотистый отсвет, едва заметный сквозь пелену дождя, пульсировал в такт ударам грома.

Фаргус сжал кулаки, чувствуя, как вода смывает с ладоней не только грязь, но и последние остатки детской уверенности.

— Ты должен стоять, — прошептал он кирпичу, словно тот мог его услышать. — Мы должны стоять.

И в этот момент молния расколола небо надвое. На секунду мир стал чёрно-белым, резким, как кадр из старой гравюры. И в этой вспышке Фаргус увидел фигуру.

Она не появилась из ниоткуда — она просто *стала* там, у подножия холма, будто всегда была частью пейзажа, просто до этого её не замечали.

Старик в потрёпанном плаще. Ткань была тёмной, почти чёрной, но местами отливала странным, неестественным серебром — будто в неё вплели нити лунного света. Его волосы, седые и растрёпанные, шевелились даже там, где ветер не доставал. А глаза... Глаза были как два осколка ночного неба — глубокие, бездонные, в них кружились крошечные вихри звёзд.

Он не спешил подниматься к Фаргусу. Просто стоял, слегка наклонив голову, и смотрел. Не с насмешкой, не с жалостью — с интересом. Как мастер смотрит на ученика, который впервые взял в руки меч.

Фаргус напрягся. В груди ёкнуло: вдруг этот старик сейчас рассмеётся, скажет, что строить крепость из одного кирпича в день — глупость? Что через неделю ливень смоем всё без следа?

Но старик не стал смеяться.

Вместо этого он поднялся по скользкому склону, ступая так уверенно, будто земля сама подставляла ему ступеньки. В руке у него был маленький молоточек — не обычный, а изящный, с рукояткой из тёмного дерева, украшенной тонкими серебряными прожилками. Головка молотка мерцала, будто была выкована из застывшего света.

— Не руками строится крепость, мальчик, — голос старика звучал негромко, но его было слышно даже сквозь рёв ливня. — А верой. А вера должна быть звонкой.

Фаргус нахмурился, не понимая.

— Звонкой?

Старик улыбнулся — не широко, а едва заметно, уголком губ.

— Да. Вера — это удар. Это ритм. Это звук, который заставляет мир прислушаться. Смотри.

Он опустился на колени рядом с первым кирпичом, не боясь испачкаться. Взял молоточек и легонько постучал по углу кирпича.

Звук был странным. Не глухой стук камня, а чистый, высокий звон, похожий на голос хрустального колокольчика. И от этого звона дождь на мгновение будто замедлился — капли повисли в воздухе, превратившись в тысячи крошечных стеклянных бусин.

— Каждый кирпич должен звучать, — сказал старик. — Не просто лежать. А петь свою ноту. Тогда стена не дрогнет ни от ветра, ни от бури, ни от времени.

Он протянул молоточек Фаргусу.

— Попробуй. Положи второй кирпич. Но прежде чем опустить его, ударь вот сюда — по этому углу. Пусть он скажет своё слово.

Фаргус взял инструмент. Молоточек оказался неожиданно лёгким, будто почти невесомым, но в то же время в нём чувствовалась странная, тяжёлая сила — как в молнии перед ударом.

Он поднял второй кирпич — такой же шершавый, такой же тяжёлый, как и первый. Положил его рядом с первым, выровнял, а потом, глубоко вдохнув, легонько стукнул по углу.

Звон разнёсся по холму, чистый и резкий, как крик боевой трубы. И в тот же миг второй кирпич вспыхнул тем же золотистым светом, что и первый, и линии на земле снова ожили, сплетаясь в сложный узор, который тянулся теперь уже от двух камней.

Дождь ударил с новой силой, будто пытался заглушить этот звук, стереть его из памяти мира. Но звон не исчез. Он вплетался в грозу, становился её частью, менял её ритм.

Старик кивнул, удовлетворённо.

— Хорошо. Очень хорошо. Ты слышишь его? Этот звук — это обещание. И пока ты будешь приходить сюда каждый день и заставлять кирпичи петь, крепость будет расти. Даже если никто другой этого не увидит.

Фаргус поднял на него глаза.

— А вы... вы можете мне?

Старик снова улыбнулся, но в его улыбке была лёгкая грусть.

— Я могу показать начало. Остальное ты должен сделать сам. Помни: один кирпич в день. Не больше. Не меньше. В этом и есть сила.

Он встал, отряхнул плащ — и капли воды, коснувшись ткани, вспыхивали крошечными искрами и исчезали, не оставляя следов.

— И ещё, — добавил он, уже поворачиваясь, чтобы уйти. — Не бойся тех, кто смеётся. Бойся тех, кто молчит. Молчание тяжелее дождя.

С этими словами он начал спускаться с холма. Но не по тропинке — он просто шагнул в туман, который вдруг поднялся из низины, густой и молочный, будто сотканный из снов.

Туман окутал его фигуру, поглотил её, а когда рассеялся через мгновение, старика уже не было. Только на мокрой земле остался едва заметный след — не сапога, а скорее узор, похожий на переплетение корней. И ещё — запах сухих трав, тёплый и пряный, совершенно неуместный среди холода и сырости.

Фаргус остался один. Дождь всё так же лил, но теперь он казался не врагом, а испытанием, которое нужно было пройти.

Он посмотрел на два кирпича — два маленьких золотых огонька среди серой воды. Они стояли рядом, и между ними тянулась тонкая светящаяся линия, словно невидимая нить, связывающая прошлое и будущее.

Фаргус глубоко вдохнул, выпрямил спину и твёрдо произнёс, перекрывая шум ливня:

— Завтра будет третий. И послезавтра. И через год. И через пятьдесят лет. Я дострою её.

Молния снова расколола небо, на секунду выхватив из тьмы силуэт мальчика, стоящего на холме, с молоточком в руке и огнём в глазах.

А где-то далеко, в глубине тумана, кто-то тихо рассмеялся — не зло, а одобрительно. И этот смех смешался с громом, став частью великой песни, которую начинала петь крепость Фаргуса.

Глава 3. «Десятый кирпич: тень, которая учится ходить»

Утро выдалось обманчиво тихим. Ни ветра, ни криков птиц — только густая, почти осязаемая тишина, в которой каждый шаг Фаргуса по росистой траве звучал как удар гонга. Холм уже не казался таким пустым, как в первый день. Десять кирпичей, выложенных в неровную, но упрямую линию, тянулись вдоль вершины, будто первые звенья цепи, которой предстояло сковать само небо.

Фаргус нёс десятый кирпич бережно, почти благоговейно. Он уже знал: дело не в весе, а в ритме. В том самом звоне, которому научил его странный старик. Каждый кирпич должен был сказать своё слово — и сегодня Фаргус хотел, чтобы десятый прокричал его особенно громко.

Он встал на колени, выровнял основание, примерился. И в тот миг, когда собирался легонько стукнуть молоточком по углу, что-то шевельнулось у края зрения.

Тень.

Но не его тень.

Она лежала у кирпичей — тёмно-фиолетовая, с рваными краями, будто вырезанная из ночи. И она двигалась. Не вслед за Фаргусом, не по прихоти солнца — сама по себе. Осторожно. Неуверенно. Как новорождённый зверёк, который только учится чувствовать мир лапами.

Сначала Фаргус замер. Сердце ухнуло вниз, а потом забилось где-то в горле, быстро и глухо, как барабан перед битвой. Он хотел отшатнуться, бросить кирпич, убежать — но ноги будто приросли к земле.

А тень потянулась к кирпичам. Её края дрожали, словно от напряжения, и в тех местах, где она почти касалась камня, воздух мерцал, будто над раскалённым железом.

— Эй... — голос Фаргуса прозвучал хрипло, непривычно громко в этой тишине. — Не трогай. Это моё.

Тень замерла. На секунду стала плоской, безжизненной, обычной тенью. А потом... поднялась. Не высоко — всего на ладонь, — но этого хватило, чтобы Фаргус понял: она смотрит. У неё не было глаз, но он чувствовал этот взгляд — тяжёлый, изучающий, почти голодный.

И тогда Фаргус сделал то, чему его учили не книги и не учителя, а сама жизнь на окраине деревни, где слабые быстро становились добычей.

Он не отступил.

Вместо этого он резко, звонко ударил молоточком по углу кирпича.

Звук вырвался наружу — чистый, острый, как лезвие. Он ударил по тишине, разрезал её, заставил воздух вибрировать. И от этого звона тень вздрогнула, отпрянула, будто её обожгло.

Но не исчезла.

Нет. Она отступила лишь на шаг, а затем... начала меняться. Её очертания стали чётче, края — резче, и в глубине фиолетовой тьмы запульсировали крошечные искры, похожие на далёкие звёзды.

Кирпичи отозвались. Не все сразу, а по очереди — первый, третий, седьмой... Каждый вспыхивал золотистым светом ровно на мгновение, и эти вспышки складывались в ритм, в такт удару молоточка. Линии узора, который Фаргус уже привык видеть на земле, вспыхнули ярче, протянулись дальше, обнимая тень, но не атакуя её — а как будто... приглашая.

Тень не бросилась в атаку. Не попыталась поглотить мальчика. Вместо этого она медленно, неловко переступила. Один шаг. Второй. И остановилась, будто прислушиваясь к этому ритму.

Фаргус опустил молоточек, но не выпустил его из рук. Пальцы побелели от напряжения.

— Ты... хочешь стать частью стены? — прошептал он, сам удивляясь, что произносит эти слова вслух.

Тень снова шевельнулась — и на этот раз в её движении было что-то похожее на кивок.

Тогда Фаргус решился. Он положил десятый кирпич на место, аккуратно, точно, и снова ударил молоточком — не сильно, но чётко.

Звон разнёсся по холму, и на этот раз тень не отпрянула. Она потянулась к новому кирпичу, и когда её край коснулся шероховатой поверхности, произошло нечто невероятное.

Фиолетовый оттенок начал растворяться, смешиваясь с золотистым светом. Тень не исчезла — она впиталась. Стала частью узора на земле, частью самой стены. И в тот момент, когда последний её лоскуток исчез в камне, десятый кирпич вспыхнул особенно ярко — и остался светиться ровным, спокойным светом, будто внутри него зажгли маленький фонарь.

Фаргус отступил на шаг, чтобы посмотреть на результат. Десять кирпичей стояли теперь не просто как камни. Они были связаны между собой светящимися линиями, которые пульсировали в едином ритме, как живая вена. Стена ещё была низкой, едва доставала ему до пояса, но в ней уже чувствовалась сила — упрямая, терпеливая, готовая выдержать любой шторм.

Снизу, из деревни, донеслись голоса. Фаргус обернулся и увидел группу мальчишек — среди них был Кай, тот самый, что раньше бросал камни в недостроенную стену. Сейчас они стояли у подножия холма, прикрывая глаза от солнца, и смотрели на вершину. На их лицах читалось не презрение, а удивление. И даже страх.

Кай что-то крикнул, но ветер унёс слова. Зато Фаргус увидел, как один из мальчишек ткнул пальцем вверх, в сторону стены, а другой отшатнулся, будто увидел нечто, чего не должен был видеть.

Фаргус выпрямился. Он не стал махать им, не стал ничего кричать в ответ. Просто стоял, сжимая в руке молоточек, и смотрел на свою стену.

— Она живая, — прошептал он, скорее себе, чем кому-то ещё. — И она будет расти.

В этот момент по небу прокатился тихий раскат грома — не угрожающий, а одобрительный. Будто сам мир кивнул: «Да. Пусть растёт».

Солнце поднималось выше, золотя верхушки кирпичей. Тень, которая хотела стать стеной, теперь была частью её — не врагом, а стражем. И Фаргус знал: завтра он принесёт одиннадцатый кирпич. И послезавтра — двенадцатый. И так каждый день. Пятьдесят лет. Тысячи шагов. Тысячи ударов молоточка.

Потому что крепость строилась не из камня.

Она строилась из мгновений. Из решений. Из смелости стоять на холме, когда весь мир шепчет: «Брось. Это бесполезно».

А Фаргус не бросал.

Он строил.

Глава 4. «Тридцатый кирпич: испытание бурей»

Буря пришла не постепенно, не с робких порывов и не с первых редких капель. Она ворвалась в долину, как армия, которой надоело ждать приказа. Небо почернело за считанные мгновения — будто кто-то резко опустил тяжёлый занавес, отрезав солнце. Ветер взвыл, срывая с домов черепицу, ломая тонкие ветви деревьев, швыряя в воздух пыль, солому и обрывки чьих-то забытых надежд.

Фаргус почувствовал её приближение ещё до того, как увидел. Его молоточек, лежавший на полке у окна, вдруг задрожал, будто пытался сорваться с места и помчаться к холму. А в груди появилось странное, колющее чувство — не страх, а тревога, острая, как лезвие.

— Нет, — прошептал он, вскакивая с кровати, даже не успев толком зашнуровать сапоги. — Только не сегодня. Не сейчас.

Он вылетел из дома, едва не сбив с ног мать, которая стояла в дверях, бледная, с прижатой к груди ладонью.

— Фаргус, стой! Куда ты? Буря снесёт тебя, как сухую ветку!

— Я должен! — крикнул он, уже сбегая по ступенькам, и ветер тут же подхватил его слова, разорвал их на клочки и унёс прочь. — Моя стена... она ещё слишком слабая!

Он мчался по размытой дороге, скользя на мокрой глине, падая и снова поднимаясь. Камни впивались в ладони, дождь хлестал по лицу, но он не замедлялся. Перед глазами стояло одно: тридцать кирпичей, выстроенных в неровную, но упрямую линию. Они были не просто камнями — они были обещанием. Его обещанием. И если буря сотрёт их с лица земли, она сотрёт и его мечту.

Когда Фаргус взобрался на холм, буря уже хозяйничала здесь, как завоеватель в покорённом городе. Ветер рвал траву с корнем, швырял комья земли, а молнии били в землю так близко, что воздух пах озоном и гарью.

Стена дрожала.

Не рушилась — именно дрожала, будто пыталась удержаться на месте из последних сил. Каждый кирпич вибрировал, отзываясь на удары стихии, и в этих вибрациях слышался тихий, испуганный звон — как у натянутой до предела струны.

Фаргус замер на мгновение, глядя, как первый кирпич, тот самый, с которого всё началось, едва заметно сдвигается с места. Ещё один порыв — и он покатится вниз, увлекая за собой остальные.

— Нет! — закричал Фаргус, и его голос прозвучал неожиданно громко, перекрывая рёв ветра. — Это моя крепость! Ты не заберёшь её!

Он бросился вперёд и встал между бурей и стеной, раскинув руки, будто мог заслонить её собственным телом. Дождь стекал по его лицу, смешиваясь со слезами ярости и страха, но он стоял твёрдо.

И в тот миг, когда очередная молния ударила в землю в нескольких шагах от него, кирпичи ответили.

Сначала слабо, неуверенно — один, потом другой, потом третий. Их золотистый свет вспыхнул, дрожащий, как пламя свечи на ветру. Но Фаргус не отвёл взгляда. Он смотрел на стену, словно передавал ей свою силу, свою решимость.

— Держись! — кричал он, хотя никто не мог его услышать. — Держись, пожалуйста!

Свет становился ярче. Он сливался, переплетался, образуя тонкие, светящиеся нити, которые тянулись от кирпича к кирпичу, сплетаясь в сложный узор. И постепенно этот узор начал расширяться, подниматься вверх, образуя над стеной полупрозрачный купол — невидимый, но осязаемый. Он вибрировал, отражая удары ветра, поглощая вспышки молний, не давая им коснуться камней.

Буря ударила снова — на этот раз всей своей мощью. Молния расколола небо, ударив прямо в купол, и на мгновение мир стал ослепительно белым. Фаргус зажмурился, но не упал. Он чувствовал, как земля под ногами дрожит, как воздух вибрирует от напряжения, но стена стояла. Купол стоял. И он стоял.

А потом буря... отступила.

Не сразу, не по доброй воле — она будто натолкнулась на что-то, чего не могла сломать. Её ярость разбилась о невидимую преграду, рассыпалась на мелкие порывы, которые уже не могли причинить вреда. Ветер стих, молнии стали реже, а небо начало медленно сереть, теряя свою зловещую черноту.

Фаргус опустил руки, чувствуя, как силы покидают его. Ноги подкашивались, дыхание было тяжёлым, прерывистым, но он всё ещё стоял. И стена всё ещё стояла.

Купол медленно растворился, оставив после себя лишь лёгкое мерцание в воздухе, похожее на утренний туман. Кирпичи перестали светиться, но их золотистый оттенок остался, тёплый и спокойный, как воспоминание о пожаре, который не смог сжечь дом.

Фаргус подошёл ближе, осторожно, будто боялся спугнуть чудо. И тогда он заметил это.

На тридцатом кирпиче — том самом, который он положил всего несколько дней назад, — появилась тонкая трещина. Она была едва заметной, изящной, как паутинка, и шла от одного угла к другому. Но в самой глубине этой трещины мерцала крошечная звезда — не нарисованная, не вставленная, а будто родившаяся внутри камня. Она пульсировала в такт его сердцебиению, тихая, но упрямая, как сама надежда.

Фаргус протянул руку и легонько коснулся трещины кончиками пальцев. Камень был тёплым. Не горячим, не обжигающим — а именно тёплым, как будто хранил в себе частичку той бури, которую только что победил.

— Ты выдержал, — прошептал он, и голос его дрогнул. — Мы выдержали.

Снизу, из долины, донеслись крики — люди выходили из укрытий, оглядываясь по сторонам, не веря, что буря закончилась так внезапно. Кто-то указывал на холм, кто-то шептал что-то, прикрывая рот ладонью. А Фаргус стоял на вершине, мокрый, грязный, уставший, но с огнём в глазах.

Он знал: это было только начало. Буря показала, на что способна стена. Но она также показала, на что способен он сам.

Завтра будет тридцать первый кирпич. И послезавтра — тридцать второй. И так каждый день. Пятьдесят лет. Тысячи кирпичей. Тысячи испытаний.

Но теперь Фаргус знал: его крепость умеет защищаться.

А значит, он может строить дальше.

Глава 5. «Сотый кирпич: встреча с драконом из тумана»

Утро выдалось странным — не светлым и не тёмным, а будто застывшим между двумя мирами. Туман стелился по долине, густой и тяжёлый, как пролитые чернила, и поднимался вверх по склонам, обнимая холм мягкими, но настойчивыми щупальцами. Он не был обычным туманом: в нём мерцали крошечные искры, похожие на отражения далёких звёзд, а когда Фаргус делал шаг, воздух звенел, будто трогали натянутую струну.

Фаргус пришёл на холм, как всегда — ровно на рассвете, минута в минуту. В руках он нёс сотый кирпич. Не такой, как остальные: этот был чуть светлее, с тонкими серебристыми прожилками, будто в глину вплели лунный свет. Фаргус нашёл его у подножия холма три дня назад — он просто лежал там, словно ждал своего часа. И теперь Фаргус знал: этот кирпич должен стать особенным.

Он остановился у стены, где уже стояли девяносто девять кирпичей — неровная, но упрямая линия, ставшая хребтом будущей крепости. Каждый из них хранил свой отголосок: шёпот ветра, звон молоточка, тихий пульс земли. Фаргус опустил на колени, выровнял основание, положил кирпич на место — ровно, твёрдо, без суеты.

И едва он коснулся его молоточком, чтобы закрепить звонким ударом, туман взметнулся вверх.

Не просто поднялся — взорвался вихрем, закрутился спиралью, вытягиваясь в высоту, сплетаясь, уплотняясь, обретая форму. И из этой спирали, из переплетения ветра и дождя, из самой сути тумана, родился дракон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.